

Ты заболел.

А? — Чу Чжоу растерянно посмотрел на него. Заболел? Чем?

Цзиму, видя, что тот совершенно не в себе, с некоторой безнадёжностью произнёс:

— Ты сам этого не чувствуешь?

Чу Чжоу прикоснулся рукой ко лбу — и правда горячо. К тому же сегодня его действительно немного кружило, он ещё думал, что это ему показалось. Должно быть, последние дни дул сильный ветер, его продуло, и он простудился. Просто за столько лет он ни разу не болел и считал, что в игре нет такого понятия, как болезнь.

К счастью, когда-то он видел, как жрец готовил целебные травы, и перенял кое-какие азы. Цзиму приказал маленьким ёкаям отправиться на поиски нужных растений по описанным им приметам, а сам сел у кровати ухаживать за ним.

Чу Чжоу считал, что из-за такой мелочи вовсе не обязательно лежать в постели, но Цзиму отнёсся к этому очень серьёзно, и ему пришлось послушно лежать.

От скуки он принялся накручивать на палец волосы Цзиму — на ощупь они были прохладными и гладкими. Он наматывал их, наматывал, даже завязал узелок, как вдруг его руку перехватили.

Цзиму посмотрел на белую подушечку его пальца, на которой выступила капелька крови, и нахмурился:

— Что это?

Чу Чжоу проследил за его взглядом и увидел свой палец. Оказывается, ранка, полученная ранее, снова открылась и сочилась кровью. Ему показалось, что Цзиму излишне драматизирует, и он небрежно ответил:

— Просто нечаянно порезался.

Но уже в следующее мгновение он не смог сохранить невозмутимое выражение лица, потому что увидел, как Цзиму взял его палец в рот.

Чу Чжоу в горах не приходилось работать руками, кожа на них давно стала гладкой, а подушечки пальцев были самым чувствительным местом.

Он ощущал, как его палец оказался во влажном тепле. Язык Цзиму был горячим, мягко и скользко облизывал ранку, ловко слизывая выступившую кровь. Пальцы Чу Чжоу дрогнули, он резко отдернул руку и уставился на Цзиму, совершенно не зная, что сказать.

Почему Цзиму делает такие странные, смущающие вещи?

Цзиму и сам был слегка удивлён. Он просто увидел на пальце Чу Чжоу алую капельку, и ему вдруг захотелось её лизнуть — что он и сделал.

Но это было самым интимным действием, которое он когда-либо совершал по отношению к Чу Чжоу в реальности. Сердце бешено колотилось. Это двусмысленное прикосновение к любимому человеку привело его в состояние лёгкой эйфории.

Видя, что Чу Чжоу покраснел и смотрит на него, словно слегка смущаясь, уши Цзиму тоже мгновенно загорелись. Он боялся встретиться с ним взглядом, лицо его тоже горело. И он выпалил:

— Я... я люблю тебя.

Чу Чжоу не отреагировал.

Он был совершенно ошарашен. Глядя на это поведение Цзиму, похожее на поведение влюблённой девушки, он с трудом мог убедить себя, что это не признание. Но ведь между ними была чистая братская дружба.

Погодите-ка. Теперь те странные поступки, что были раньше, получили объяснение.

Его охватило странное чувство. Неужели всё пошло не так так давно?

Едва слова сорвались с языка, Цзиму пожалел о них. Он собирался признаться, когда наступит подходящий момент, но импульс взял верх.

Однако, видя, что Чу Чжоу не испытывает отвращения, а просто застыл в ступоре, он облегчённо вздохнул, прокашлялся и произнёс торжественно:

— Я люблю тебя.

Чу Чжоу только успел мужественно прийти в себя, как тут же услышал новое признание. Нерешительно он сказал:

— Может... ты ошибся?

— Нет, я абсолютно уверен. Я люблю тебя. Люблю настолько, что хочу спать с тобой в одной постели, — искренне ответил прямолинейный юноша Цзиму.

Чу Чжоу: «...» Когда его милый Цзиму успел стать таким?

Когда маленькие ёкаи вернулись с найденными травами, эти двое уже притворялись, что ничего не произошло.

Цзиму не хотел слишком давить на него. Раз уж он сказал, то впереди ещё много времени, чтобы Чу Чжоу согласился.

Чу Чжоу, разумеется, соглашаться не собирался, но и прямо порвать отношения не мог, поэтому делал вид, что ничего не знает.

Однако это спокойствие было нарушено, как только лекарство сварили.

Чу Чжоу смотрел на Цзиму, который держал пиалу с отваром и непременно хотел кормить его с ложечки, и у него разболелся желудок. У него всего лишь порезан палец, а не рука оторвана! Почему он даже выпить лекарство сам не может?

Цзиму поднёс ложку к его губам, не мигая глядя на него.

Чу Чжоу недооценил убойную силу этого взгляда. Противостояние длилось недолго: он сдался, открыл рот и проглотил лекарство.

Увидев, как довольно изогнулись губы Цзиму, он запнулся, но затем, махнув на всё рукой, выпил всё лекарство, которое Цзиму скормил ему.

Когда лекарство было выпито, Цзиму быстро всё убрал и лёг рядом с Чу Чжоу. Под его возмущённым взглядом он обнял его и тут же закрыл глаза, притворяясь спящим.

Чу Чжоу с беспомощностью посмотрел на него, попытался оттолкнуть, но не смог. Вздохнув, он закрыл глаза, решив тоже лечь спать. Ладно, в конце концов, они и раньше так спали.

Из-за болезни он быстро погрузился в сон. Сквозь дрему он услышал, как низкий голос шепнул ему на ухо:

— Когда же ты полюбишь меня?

Я и сейчас тебя люблю, подумал он и провалился в глубокий сон.

Последующие дни были всё так же спокойны и неторопливы. Их отношения незаметно менялись. Для Цзиму всё складывалось как нельзя лучше.

Листья опадали, шурша, пока вдруг не подул холодный ветер.

Наступила зима.

С неба полетел мелкий дождь, пронизывающий ветер леденил до костей.

Ваттанабэ-но Цуна забрёл в эту отрезанную от мира деревушку. На поясе его холодно поблёскивал меч Хидза-Кири.

Остановившись здесь на отдых, он чутко заметил, что жители деревни избегают разговоров о горе за ней.

О? Ёкай?

В его глазах вспыхнул одновременно заинтересованный и жестокий огонёк. Поглаживая свой любимый клинок, он медленно растянул губы в улыбке.

Ведь он больше всего на свете любил ёкаев.

23. Отрубленная рука

Раннее утро. Ветер.

Вчера ещё моросил дождь, а сегодня с ветром полетели, кружась, снежинки, заполнив собой всё небо.

Вскоре всё вокруг укрылось белым покровом.

Снова наступил спокойный день.

Проснувшись, Чу Чжоу увидел за дверью белую землю и внезапно ощутил желание немного пошалить.

Он шагнул за порог, вышел на большую площадку перед храмом, оставляя за собой цепочку следов. Цзиму, видя его редкую детскую непосредственность, последовал за ним. Глядя на следы рядом со своими, он почему-то почувствовал себя счастливым.

Чу Чжоу посмотрел на белый снег, задумался на мгновение, хмыкнул и сказал:

— Давай слепим снеговика.

— Хорошо, — Цзиму, разумеется, согласился. Более того, что бы Чу Чжоу ни сказал, он бы согласился.

Они скатали два снежных шара — большой и маленький — и сложили их вместе. Чу Чжоу сделал руки из веток, пуговицы — из камешков. Когда он захотел найти шарф, Цзиму с любопытством указал на камешки и спросил:

— А это что?

Тут только Чу Чжоу сообразил, что это не современный мир.

Он кое-как отделался от вопроса, нашёл маленькую веточку и воткнул её сверху, сделал нос и рот, но, глядя на чёрные глаза, остался недоволен.

Внезапно его глаза засияли. Бросив Цзиму: «Подожди здесь», он побежал обратно в дом и спустя мгновение вернулся с двумя жёлтыми камнями.

Это были жёлтые восковые камни, подаренные одним ёкаем. В горах так много ёкаев, иногда они находят необычные вещи; когда замечали, что Чу Чжоу что-то нравится, они дарили ему это. А эти камни, золотисто-жёлтого цвета, были чем-то похожи на глаза Цзиму.

Чу Чжоу убрал чёрные камешки и осторожно вставил жёлтые восковые на их место. Наконец он улыбнулся:

— Смотри, это ты, Цзиму.

Цзиму, стоявший рядом, сначала не понимал, что делает Чу Чжоу, снисходительно наблюдая за его беготнёй. Но когда Чу Чжоу произнёс эти слова, его сердце мгновенно переполнилось радостью.

Он стал мягче внутри, и строгое выражение лица тоже смягчилось. Он сказал:

— Только одного меня недостаточно.

Чу Чжоу с недоумением посмотрел на него, не понимая, что он имеет в виду.

Цзиму усмехнулся и рядом со «снеговиком-Цзиму» слепил «снеговика-Чу Чжоу» с чёрными глазами. Глядя на два стоящих рядом снежных изваяния, он не удержался, придвинулся к Чу Чжоу, обнял его и сказал:

— Должно быть вот так.

Чу Чжоу не стал вырываться. Он прильнул к его объятиям, разглядывая снеговиков, и спустя мгновение тоже не сдержал улыбку. Мягко произнёс:

— Так хорошо.

Цзиму, услышав его согласие, удивлённо опустил голову и увидел мимолётную улыбку на лице Чу Чжоу. Он невольно принялся искать его взгляд, уловил слабую улыбку в тёплых чёрных глазах и не смог отвести зачарованного взгляда.

Он сам не заметил, как приблизился к его лицу настолько, что разглядел мелкий пушок на коже. Чу Чжоу не отстранился. Охваченный восторгом, Цзиму прильнул к его мягким губам, сомкнул их, втянул в себя, на мгновение задержавшись, и, словно пробуя, высунул язык...

В белом пространстве они стояли, обнявшись, и страстно целовались. Лишь снеговики молчаливо наблюдали за всем со стороны.

Когда они вернулись в комнату, было уже почти полдня.

Лицо Цзиму окончательно смягчилось. Взгляд его неотрывно следовал за Чу Чжоу; заметив иногда припухшие губы любимого, он смущённо отводил глаза.

Но спустя мгновение снова не мог удержаться и смотрел на него.

Чу Чжоу находил такое поведение Цзиму очень милым, но всё же с некоторой обречённостью спросил:

— Ты ещё не выйдешь?

В последнее время ёкайская сила Цзиму была на критической стадии. Ему приходилось каждый день выходить на тренировки; как только этот период закончится, его рог на лбу полностью вырастет, а сила достигнет пика.

Цзиму, говоря «Уже иду», медлил и не хотел выходить из дома, с мольбой глядя на Чу Чжоу.

Чу Чжоу прочитал тоску в его глазах. Он приблизился, встал на цыпочки и поцеловал его прямо под глазом, сказав:

— На, держи. Всё, будь умницей.

Цзиму с некоторым разочарованием повернулся, но, стоило Чу Чжоу расслабиться, он быстро обернулся и украл ещё один поцелуй, и только тогда, с улыбкой на лице, вышел за дверь.

Чу Чжоу слегка покачал головой, смирившись, и закрыл дверь, но уголки его губ невольно приподнялись в улыбке.

Ветер снова поднялся.

Снег, уже почти прекратившийся, снова полетел редкими хлопьями.

Делать Чу Чжоу было нечего, и он решил взглянуть на утреннего снеговика. Вдруг он что-то почувствовал и взглянул вниз с горы. Вдали, расплывчато, он увидел, как к нему приближается чья-то фигура.

Немного времени спустя человек оказался уже рядом.

Это был мужчина.

Мужчина прищурился, разглядывая его. Чу Чжоу почувствовал себя так, будто на него уставилась ядовитая змея, пока незнакомец внезапно не улыбнулся.

— Я Ватанабэ-но Цуна.

Выражение лица Чу Чжоу было холодным. Белая одежда на фоне белого снега делала его ещё более неприступным. Он бесстрастно спросил:

— С какой целью вы здесь, уважаемый?

Ватанабэ-но Цуна всё так же мягко улыбался, голос его звучал как-то нереально.

— Я полагал, что на этой горе обитают одни ёкаи, но не ожидал встретить и человека.

Чу Чжоу молчал.

Видя, что Чу Чжоу не реагирует, Ватанабэ-но Цуна продолжал, усмехаясь:

— Я слышал, что здесь живёт король ёкаев.

Слышал? От кого слышал? Люди не могут знать о делах ёкаев.

Тут только Чу Чжоу с некоторым удивлением снова оглядел мужчину перед собой.

Чёрная одежда, на поясе холодно поблёскивающий меч. Он запоздало заметил, что на клинке, кажется, есть немного крови.

Атмосфера мгновенно накалилась.

У Цзиму сегодня было очень хорошее настроение. Тренировка тоже шла гладко. К полудню он почувствовал, что его сила снова немного возросла, и ему не терпелось вернуться.

Хотелось поскорее увидеть Чу Чжоу. Хотелось обнять его, поцеловать.

Эта мысль смягчила его лицо, придав ему лёгкую улыбку, а шаги стали быстрее.

Пока он не увидел двоих, стоящих друг напротив друга в напряжённой позе перед снеговиками.

Увидев появившегося Цзиму, Чу Чжоу вздохнул с облегчением, но тут же снова забеспокоился. Потому что вдруг понял: цель этого человека — Цзиму. Он взглянул на Ватанабэ-но Цуну и действительно увидел на его лице довольную улыбку.

Цзиму быстрым шагом подошёл к Чу Чжоу, встал перед ним, заслоняя собой, и холодно спросил:

— Ты кто?

— О-о, как интересно, — Ватанабэ-но Цуна с любопытством разглядывал их. Казалось, он что-то заметил. Улыбнувшись, он сказал: — Я Ватанабэ-но Цуна. Я пришёл убить тебя.

Аура Цзиму вмиг стала ледяной. Он велел Чу Чжоу отойти подальше, поднял левую руку и ледяным тоном произнёс:

— Ещё неизвестно, кто кого убьёт.

Чу Чжоу остался стоять в стороне, наблюдая.

Он увидел, как Цзиму нанёс удар кулаком. Фиолетово-чёрный огненный шар мгновенно полетел вперёд. Ватанабэ-но Цуна уклонился, увидел, как шар попал в дерево вдалеке и мгновенно испепелил его. Уголок его губ дёрнулся, он вытащил меч.

Клинок обрушивался на Цзиму под самыми неожиданными углами. Чу Чжоу пристально следил, казалось, ощущая холодные потоки воздуха от пролетающих лезвий, и затаил дыхание.

— Бум! —

Это был грохот от взрыва ёкайской силы Цзиму. Барабанные перепонки яростно задрожали.

Ватанабэ-но Цуна был ранен, но выглядел ещё более возбуждённым. С безумной улыбкой на лице он, не обращая внимания на раны, продолжал рубить Цзиму.

Чу Чжоу напряжённо следил за каждым его движением. При каждом замахе меча он боялся дышать, страхась, что Цзиму окажется в опасности.

На теле Ватанабэ-но Цуны прибавлялось ран, но он всё так же беспечно улыбался. В очередной раз уйдя от атаки Цзиму, он поднял меч, целясь прямо ему в руку...

Увидев это, Чу Чжоу широко распахнул глаза. Ногти впились в ладонь, проступила кровь.

Что он забыл?

Как он мог забыть, что у Цзиму в игре была только одна рука.

Это случится сейчас? Этот меч вот так отрубит Цзиму руку?

Нет. Ни за что.

Он стремительно бросился к Цзиму.

— Меч опустился.

— Хруст! —

В воздух взлетела отрубленная под огромной силой конечность. Алая кровь под напором брызнула фонтаном. Белый снег окрасился алыми крапинками, словно цветами сливы. Стоявший рядом снеговик и вовсе был забрызган кровью, что выглядело даже жутковато.

Рука, сжимавшая меч, дрогнула. С лица Ватанабэ-но Цуны исчезла улыбка. Рука задрожала, и с лязгом меч упал на землю.

Лицо Цзиму выражало полное неверие. В глазах даже блеснула влага. С почти отчаянным видом он уставился на мертвенно-бледную руку.

Чу Чжоу, разглядев эту руку, напротив, вздохнул с облегчением. Это была конечность, обёрнутая в белую ткань.

Это была его рука.

24. Конец

Чу Чжоу машинально повернулся к Цзиму. Тот, смертельно бледный, смотрел на него, точнее — на его бок, и взгляд его застыл. Чу Чжоу тоже повернул голову и посмотрел на свою левую сторону.

Если быть точным, левой руки там уже не было.

Меч был острым. Когда Чу Чжоу протянул руку, чтобы оттолкнуть Цзиму, клинок рассёк её напрямую, без усилий отрубив конечность.

Теперь от его левого плеча оставался лишь небольшой обрубок. Срез был ровным, на месте рассечения виднелись красные мягкие волокна и белая кость. Изначально белая ткань стала тёмно-алой, с неё капала ярко-красная кровь, окрашивая небольшой клочок земли в тёмный цвет.

Глядя на эту кровавую картину, у Чу Чжоу слегка зашевелились волосы на голове. Он почувствовал головокружение, словно ощутил острую боль, и с трудом сохранил выражение лица. Однако на деле со стороны казалось, что он лишь чуть нахмурился.

Рука Ватанабэ-но Цуны всё ещё дрожала. Он не поднял упавший меч. Безумная улыбка давно исчезла с его лица. Молча глядя на отрубленную руку на земле.

Знаменитый меч Хидза-Кири, перебивший тьму ёкаев, прежде никогда не ранил человека.

Но сегодня он отрубил им руку человеку.

И даже мог убить этого человека.

Какая... ужасная ошибка.

Его взгляд переместился на Чу Чжоу. В нём была вина. Он словно хотел что-то сказать, но не решался.

Наконец, он так ничего и не сказал. Поклонившись в знак извинения, он тяжёлой поступью направился вниз с горы, оставляя последнее время этим двоим влюблённым.

Хидза-Кири остался лежать на земле. Несколько капель крови уже стекли с лезвия, и оно всё так же холодно поблёскивало.

Цзиму оторвал полоску ткани и осторожно перевязал ею руку Чу Чжоу. Но ткань быстро пропиталась кровью, и та медленно закапала сквозь повязку.

Цзиму смотрел, как капает кровь. Он протянул руку, желая прикоснуться к нему, но рука дрожала, так и не коснувшись тела, и в конце концов опустилась.

Он открыл рот, хотел что-то сказать, но горло внезапно пересохло, и он не смог издать ни

звука.

Золотисто-красные глаза блестели от влаги, став ещё более прозрачными. В них застыли глубокая боль и самобичевание.

Как же так?

Ведь ещё утром Чу Чжоу согласился, он чувствовал себя бесконечно счастливым. А сейчас, прямо у него на глазах, любимый человек, заслоняя его собой, лишился руки. От одной только мысли об этой ране ему самому становилось невыносимо больно. Насколько же больно Чу Чжоу?

Он постоянно наращивал силу, стремился стать могущественнее — разве не для того, чтобы получить возможность защитить его?

Но сейчас он может лишь беспомощно смотреть, как тот умирает, и ничего не может сделать...

Цзиму невольно подумал: если бы тот жрец был здесь, может быть, он смог бы остановить непрекращающееся кровотечение. Он подумал: если бы он мог покинуть это место, может быть, сумел бы найти другого человека, сведущего в лекарском деле. Или, если бы его сила была чуть больше, он бы справился с тем человеком раньше, и Чу Чжоу не пострадал бы.

Но это были лишь его фантазии.

На самом деле жреца не было, он не мог отсюда уйти, а Чу Чжоу был уже ранен.

Наконец он смирился с этим фактом. Золотисто-красные радужки потускнели. Выражение его лица металось между болью и скорбью, пока не застыло в отчаянии.

Чу Чжоу сначала подумал, что Цзиму просто ошеломлён неожиданным развитием событий, раз стоит и смотрит, ничего не делая. Но подождав немного и так и не дождавшись от него никаких действий, кроме стояния рядом в ступоре, он понял, что что-то не так.

Он повернул голову, встретился взглядом с Цзиму и увидел в его глазах отчаяние. Помедлив, он с некоторым недоумением спросил:

— Что случилось?

Едва слова сорвались с губ, он понял, что голос его звучит слабо, почти как шёпот.

Цзиму боялся к нему прикоснуться. Стиснув зубы, сдерживая подступившую к глазам влагу, он хрипло выдавил:

— Твоя рука...

Глядя на всё ещё спокойное лицо Чу Чжоу, его голос прервался, и он не смог продолжать.

Чу Чжоу был совершенно озадачен реакцией Цзиму. Учитывая чувства Цзиму к нему, в такой момент он не должен был бы просто стоять столбом. По крайней мере, стоило попытаться помочь — обработать рану...

Стоп. Лечение?

Он вдруг вспомнил. Как лечить его рану?

Они не могут покинуть это место. И даже в деревне у подножия горы раньше только жрец умел врачевать. Сам Чу Чжоу перенял у него лишь основы. С такой серьёзной раной он ни за что не сумеет справиться сам.

Что касается ёкаев на горе, это были просто духи, обретшие разум и способность принимать человеческий облик. Ни один из них не владел искусством врачевания, не говоря уже о том, чтобы призывать ветер и дождь или творить какие-то иные чары.

И тут он внезапно понял, почему Цзиму в отчаянии.

Такая тяжёлая рана в подобных условиях означает верную смерть.

Чу Чжоу вдруг почувствовал холод. Он повернул голову на бок. Из остатка левой руки всё ещё капала кровь. Хотя боли он не чувствовал, симптомы потери крови были налицо.

Он запоздало осознал, что его запас крови неумолимо уменьшается. Скоро он упадёт до нуля.

<http://bllate.org/book/22423/2354271>